

2. Вечерний Гродно – региональная газета [Электронный ресурс] // Сестра Хатыни. История одной сожженной деревни. – Гродно, 2015. – Режим доступа: <http://vgr.by>. – Дата доступа: 10.06.2015.

3. Sputnik Беларусь – информационное издание [Электронный ресурс] // Немцы сожгли деревню: история выжившего очевидца. – Гродно, 2017. – Режим доступа: <https://sputnik.by>. – Дата доступа: 09.05.2017.

4. Трагедия белорусских деревень, 1941–1944: Документы и материалы / сост. Н. В. Кириллова [и др.] ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Ист. память, 2011. – 536 с.

О.А. БАРМА, Е.Э. ПОЛИТЕВИЧ

Беларусь, Минск, БГУКИ

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКИХ МОДЕЛЕЙ МИРА СУБЪЕКТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ XX В. В ПОСТМОДЕРНИЗМЕ

Современные научные изыскания в области гуманитаристики конца XX – начала XXI вв. как в социально-исторических, так и в научно-познавательных своих измерениях носят не столько междисциплинарный, сколько трансдисциплинарный характер. По оценке С.Н. Северина, современная наука «столкнулась с существенными трансформациями социокультурного контекста, целым рядом глобальных проблем, принципиально новыми типами объектов, что обуславливает... перестройку стратегий исследования...» [4, с. 17]. В методологический инструментарий гуманитаристики вводятся категории, являющиеся основой синергетических исследовательских программ – «нелинейность», «сложность», «открытость». Обращение гуманитариев к синергетике (науке о хаосе) при изучении объектов социокультурной природы происходит в контексте становления нового типа рациональности и соответствующего ему типа культуры – постнеклассического. Как отмечает О.В. Архипова, «реализация идей постнеклассической науки и культуры обусловлена усилением значения роли субъекта в процессе познания... Объектом науки становятся проблемы, связанные с человеком и человеческой деятельностью, а постнеклассический идеал познания включает, наряду с эмпирическими и теоретическими средствами познания, аксиологические и ценностные характеристики бытия» [1, с. 191–192]. «Все чаще, – пишет С.Н. Северин, – объектами современных научных исследований являются саморазвивающиеся “человекоразмерные макросистемы” (В.С. Степин) – системы, включающие человека в качестве своего компонента» [4, с. 17]. Основой «человекоразмерных макросистем» является ценностно-смысловое пространство культуры, которое по отношению к человеку выступает как продукт осмысленной деятельности последнего, так и среда, в которой человек черпает вдохновение и осуществляет акт творения.

Осмысливая, оценивая окружающий мир, человек сводит в целостность все явления действительности, попадающие в сферу его опыта, вырабатывает персональную программу рефлексивного осмысления окружающего мира. Как результат – создание своего мира, мира идей, ценностей, которые, в отличие от доминирующих «культурных теорий», еще не являются частью «ленты культуры» (В.С. Степин) и/или еще не получили признания современников. В.С. Степин отмечает, что «в культуре всегда закладываются программы, адресованные будущему. Они в период их формирования

еще не реализуются в массовой деятельности людей ... Но наступает время, когда эти программы находят свое практическое применение и вызывают радикальные перемены в организации общества и его динамике» [5, с. 85–86]. Последнее может быть отнесено к эпохе постмодерна, когда идеи, представления, концепции, составляющие каркас прошлых этапов развития культуры, переосмысливаются (в рамках исторической ретроспективы), подвергаются интерпретации с целью поиска скрытого креативного потенциала, поиска идей. Этот процесс определяется через уровень развития доминирующего типа культуры. Последняя, как пишет С.Н. Северин, представляет собой «...текст, который можно “прочитать” различными способами, текст, лишенный “истинного”, единственного смысла, лишенный однозначной интерпретации, текст, перманентно развивающийся и ветвящийся подобно “ризоме” [4, с. 16]. Благодаря идее интерпретации культуры как текста (и метатекста), осуществленной еще постструктуралистами, и доведенное до совершенства в работах постмодернистов (Р. Барт, Ю. Кристева, Ж. Делез) в гуманитаристике преодолевается узконаправленное понимание объекта исследования (в независимости от его пространственно-временных, социокультурных рамок), его изучение основывается на анализе ценностно-смыслового пространства доминирующего типа культуры, частью которого он является (в первую очередь это относится к идеям, мировоззренческим концепциям, составляющим ментальное пространство культуры). Преодоление старых догм путем их осмысления в контексте исследовательских программ доминирующего типа культуры позволяет исследователям изучать модели мира (универсума), созданные учеными (писателями) в рамках предыдущих этапов развития культуры и обладающие креативным потенциалом (*выявление скрытых идей*).

В диалоге «Тимей» Платон выделил особый «мир идей», в сравнении с которыми конкретные вещи выступают их «бледными копиями», отпечатками («по образцам». Если бы вещь не имела подобного «модельного» образца, то она бы просто не возникла. Следовательно, теоретическая конструкция – основа для реконструкции реальности. Выявление скрытого имманентного креативного потенциала такой модели дает возможность определить новые, до сих пор скрытые паттерны.

Для постмодернистов большой интерес представляют модели мира, созданные субъектами художественной культуры в рамках своей интеллектуальной (творческой) деятельности и во многом определившие дальнейшее развитие культуры как второй природы человека. Для постмодернистов именно текст (шире – текстуальное пространство) выступает той призмой, сквозь которую личность рассматривает культуру, именно через текст индивид иллюстрирует мир (культуру), осмысливает его (интерпретация культуры), выражает свое ценностное отношение к культуре.

В мировой художественной литературе, в частности в произведениях Х.Л. Борхеса «Вавилонская библиотека» [2], У. Эко «Имя розы» [7], В.У. Ластовского «Лабиринты» [3], с помощью постмодернистских технологий созданы авторские модели универсума, воплощенные в образе библиотеки, ориентированные на представление альтернативных вариантов развития, в первую очередь, духовного мира человечества. Интерес в данном аспекте представляет рассмотрение в обобщенном варианте пространства библиотек, созданных вышеуказанными авторами, для выявления применения технологий постмодернистских исследовательских программ.

Смысловое пространство библиотек, моделей-универсумов, созданное писателями, представленное текстами, содержание которых отражает различные археологические пласты культурологической мысли прошлого, современные несущие конструкции, выражающие наиболее емкие и универсальные категориальные структуры мироздания

(в процессе его бесконечного становления), а также виртуально формирующееся проблемное поле, на котором «прорастают» новые позиции, «координаты» бытия человека и культуры, определяющие образы будущего. По Х.Л. Борхесу, «библиотека всеобъемлюща и на ее полках можно обнаружить все возможные комбинации... Все: подробнейшую историю будущего, автобиографии архангелов, верный каталог Библиотеки, тысячи и тысячи фальшивых каталогов, доказательство фальшивости верного каталога, гностическое Евангелие Василида, комментарий к этому Евангелию, комментарий к комментарию этого Евангелия, правдивый рассказ о твоей собственной смерти, перевод каждой книги на все языки, интерполяции каждой книги во все книги, трактат, который мог бы быть написан (но не был)» [2, с. 315].

При этом пространственное упорядочение смыслового контекста библиотек не сводится к ее полной систематизации, хотя и не противоположно ей. Смысл такого упорядочения, прежде всего, заключается в совмещении в едином континууме самых разных культурологических парадигм: рационального и иррационального, интуитивного и проектного, субстанциального и реляционного, статического и динамического. В пространстве библиотеки, взятом в контексте культурного пространства-времени, они совмещают не просто на основе смысла или логики, а именно как сосуществующая многомерность, которая именно таким образом формирует и восстанавливает целостность, которая не имеет множество вариаций. В данном случае опосредующей формой выступает само пространство, в котором мерой бытия становится актуальность и востребованность развернутых в культурологии направлений мысли [6]. Как пишет У. Эко, «библиотека ... непроницаема, как истина, которую хранит в себе, коварна, как ложь, в ней заточенная. Войдя (как в прямом смысле, так и в переносном – текст наш, О.Б.), вы можете не выйти» [7, с. 47].

Библиотечное пространство оказывается не только представленным множеством наиболее универсальных технологий, методологических и мировоззренческих позиций, но и континуумом допустимых нарушений и отклонений, способных включить в себя тот накапливающий избыток субъективности, который нигде в ином пространстве не может обосновать свое существование и свою историчность [6].

Пространство библиотеки оказывается выражением особой виртуальной связи между культурой с одной стороны и человеком, взятым в контексте определенной социокультурной системы, с другой; связи, в которой эти стороны открываются друг другу и обнаруживают свою идентичность.

Модель библиотеки не случайная или ситуативная конструкция, а категория, фиксирующая развитие форм опосредования, в которых существовала культура начиная с момента фиксации ее феноменов в семиотических системах. В этом пространстве, бесспорно, сохраняется культурологически выраженная мудрость многовековых поисков оптимальных для человека и культуры форм бытия; в нем выражены нравственные императивы, представление об истине и красоте, цели, идеи прогресса, гуманизма, существуют изначальные условия для саморазвертывания смыслов [6]. В.У. Ластовский пишет: «...я скіраваўся ў славянскі аддзел бібліятэкі... Тут я бачыў не толькі фаліянт полацкай летапісі, пісанай рукой княжны Еўфрасініі, але і летапісы шмат ранейшых перыядаў існавання нашага народа... Цэлы аддзел бібліятэкі складаўся з кніг, пісаных глаголіцай, якая, як я тут пераканаўся, была шмат старэйшай бадай на добрую паўтысячу лет славянскай граматай, знакі якой развіліся з славянскіх герогліфаў» [3, с. 72].

Таким образом, в контексте постнеклассического типа рациональности и соответствующего ему типа культуры эксплицитно реализуется установка на выявление креативного потенциала моделей мира, созданных субъектами художественной культуры XX в. с использованием методологического инструментария постмодернизма. Выявление креативного потенциала, скрытого в образе библиотеки (модели универсума), созданной Х.Л. Борхесом, У. Эко и В.У. Ластовским, позволяет определить, во-первых, интеллектуальные изыскания ученых с использованием классических технологий постмодернистских исследовательских программ (еще не определенных / не признанных научным сообществом в то время); во-вторых, применение концепций «нелинейность», «сложность», «открытость» при описании (изучении) объекта своих исследований – библиотеки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова, О. В. Идея образования в контексте постнеклассической культуры : монография / О. В. Архипова. – СПб. : СПбГИЭУ, 2011. – 267 с.
2. Борхес, Х. Л. Вавилонская библиотека / Х. Л. Борхес // Сочинения : в 3 т. / сост., предисл. и примеч. Б. В. Дубина. – Рига : Полярис, 1994. – Т. 1 : Эссе. Новеллы. – С. 312–319.
3. Ластоўскі, В. Ю. Лабірынты / В. Ю. Ластоўскі // Выбраныя творы / В. Ю. Ластоўскі ; уклад., прадм. і камент. Я. Янушкевіча ; маст. М. Казлоў. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – С. 47–74.
4. Северин, С. Н. Генезис и структура парадигмы педагогического исследования в контексте постнеклассической научной рациональности : монография / С. Н. Северин ; Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2016. – 164 с.
5. Степин, В. С. Человеческое познание и культура / В. С. Степин. – СПб. : СПбГУП, 2013. – 140 с.
6. Суконкина, О. И. Библиотечный фонд в системе культурной коммуникации: автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / О. И. Суконкина. – Саранск, 2006. – 18 с.
7. Эко, У. Имя розы / У. Эко ; предисл. У. Эко ; послесл. Е. Костюкович, Ю. Лотмана. – СПб. : Симпозиум, 1998. – 685 с.

К.Д. БАРТОШ, А.О. ЛИХУТО

Беларусь, Брест, БрГУ имени А.С. Пушкина
 Научный руководитель – Л.М. Максимук

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ТУРИЗМА БЕЛАРУСИ И ИСПАНИИ

В последнее время во всем мире в качестве альтернативного отдыха большой популярностью пользуется гастрономический туризм. Цель гастрономических туров – получение наслаждения от кухни того или иного государства. Однако, эта цель не сводится к обычному знакомству с экзотическим блюдом. Главное в таких турах – понять и насладиться местными рецептами, которые вобрали в себя вековые обычаи и традиции местных жителей, понять культуру приготовления национальной пищи.

Интерес туристов к еде и гастрономическим путешествиям создает значительный потенциальный спрос, который можно удовлетворить, создав интересный турпродукт, в основе которого лежит еда. Если туристическая дестинация не обладает уникальным